

246
236M
191
1506
70

ПРИ СВѢТѢ ВОЙНЫ

7- 306
667

Статьи

Е. В. Членова

М. О. Гершензона

С. К. Гепштейна

Л. Б. Яффе

Х. И. Гринберга

Цена 20 коп.

Книгоиздательство „Мзрхавья“

Москва, Солянка, 8.

13

1917
15348-73

При свѣтѣ войны.

Миновали два года, кошмарные, тяжелые, годы смерти, страданій и разрушенія. На всѣхъ, прямо или косвенно причастныхъ, легли они тяжело, но больше всего придавила ихъ тяжесть народъ нашъ. Ибо къ невольнымъ и неизбѣжнымъ мукамъ прибавились тѣ, которыя сознательно причинены коварнымъ измышленіемъ и злобствующей волей людей.

Разрушены очаги, хотя бы чухлой, голусной, все же національной жизни, вѣками создававшіеся. Народъ страшился вновь взяться за посохъ и суму. И въ то время, какъ другіе уходили съ пепелищъ съ мыслію о скоромъ и безусловномъ возвращеніи, наши мученики-выселенцы не знаютъ, гдѣ придется, когда стихнетъ буря, вновь заложить очагъ, или хотъ раскинуть шалаашъ. Гдѣ и на что.

Это у насъ, здѣсь. А въ Галиціи миллионы евреевъ разорены, сорваны съ мѣстъ, истреблены и должны будутъ восстанавливать свои разрушенныя гнѣзда подъ лаской поляковъ...

Страшно подумать обо всемъ этомъ. А думать необходимо. И еще больше—работать. Нанесенныя раны зияютъ. Когда и какъ онѣ начнутъ затягиваться, зализываться, пока никому невѣдомо; но вѣдь перевязать необходимо сейчасъ, немедленно.

И народъ нашъ ревностно, горячо взялся за эту работу и неустанно надъ ней трудится.

О, въ перевязкѣ ранъ мы не имѣемъ себѣ равныхъ! Быть можетъ, потому, что ни одинъ народъ на своемъ историческомъ пути не занимался этимъ столько разъ, сколько мы. Въдѣ не разъ приходилось намъ разставаться и съ родной землею, и съ тѣми краями, гдѣ предки наши (вѣками жили и къ которымъ они успѣвали привязываться со свойственной евреямъ страстной любовью къ насиженному очагу и роднымъ могиламъ. Мудрено ли, что и при настоящей катастрофѣ, лица, призванныя быть главными кормчими въ бѣженскомъ потокѣ, одно за другимъ свидѣлствуютъ, что всего больше и лучше пашились въ шаклынувшемъ испытаннн еврей, ихъ организации и отряды? Невольно испытываешь чувство облегченія и проникаешься вѣрой, когда видишь, сколько безкорыстной любви, труда и жертвъ проявляется и приносится каждый день; какъ много организованности и братской солидарности вскрылось въ эту историческую годину. Если бы хоть часть этой энергии проявлялась обычно среди насъ, въ обычное время, на сколько иначе выглядела бы жизнь народа! Къ прискорбю, обычно, стационарно этого не бываетъ. И потому такъ жутко вглядываться въ близкое будущее.

Раны перевязуютъ. Но что потомъ? Въдѣ надо же будетъ приступить къ строительству, къ закладкѣ новой жизни на новыхъ мѣстахъ, или на старыхъ пепелищахъ. И строительство потребуетъ крупное, ибо сорвано съ мѣсть въ 5 разъ больше евреевъ, чѣмъ при великомъ испанскомъ изгнаннн. Тѣ, кто концентрируетъ въ себѣ народную энергию, кто является и считаетъ себя работникомъ на народной нивѣ, должны бы уже теперь серьезно заняться подготовительной работой, вопросами близкаго будущаго—деленія народныхъ ранъ.

Между тѣмъ, долго эти вопросы вовсе не привлекали къ

себѣ вниманія, а потомъ, когда къ нимъ приступили, это стало проявляться въ такихъ формахъ, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ національнымъ «триондерствомъ». На великомъ бѣдствіи, стрясшемся надъ нами, хотѣвъ впопыхахъ создать новое грандіозное зданіе, перестроить все русское еврейство, его бытъ, организацiонныя формы и культурное содержаніе. И все дѣлается съ удивительнымъ, иногда непростительнымъ легковѣріемъ, безъ учета окружающихъ условий, реальной дѣйствительности...

Быть можетъ, и это потому, что со времени потери самостоятельности, мы ни разу не строили сами своей жизни; она всегда направлялась другими, мы же только приспосабливались. И когда насъ постигали историческія катастрофы, мы удивительно умѣли гнущься и не ломаться; а по минованіи ихъ—собирать остатки силъ и поддерживать нить жизни. Мы оказывались всегда сильнѣе катастрофъ. Но мы были совершенно безсильны въ предотвращеніи ихъ и ихъ причинъ. Мы и не стремились никогда серьезно къ этому, мы не работали для того, даже серьезно не задумывались, не выясняли себѣ, не пытались. Уроки жестокие и яркіе проходили безслѣдно мимо. Муки оказывались не только жестокими, но и безцѣльными, ибо народъ на нихъ не учился, не исправлялъ и не направлялъ по новому своей жизни. Ни одной серьезной, организованной попытки разсѣянаго еврейства вернуть утерянную страну на протяженіи почти 2-хъ тысячелѣтій, при рядѣ порывовъ къ тому,—это достаточно ярко говорить за себя.

И что страшно гнететъ насъ въ эти дни переживаемой нами мировой трагедіи, это вопросъ: не пройдетъ ли и она столь же безцѣльно для народа, ибо онъ не уяснитъ себѣ и не усвоитъ того, что въ такой яркой, красочной формѣ подносятъ жизнь.

А урок не только поучительный; онъ страшенъ и жестокъ.

13 миллионъ евреевъ разсыяно по землѣ, приблизительно столько, сколько во всѣхъ Балканскихъ государствахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Среди нихъ и сны, и таланты, и средства. Minimum 600,000 солдатъ выставилъ еврейскій народъ на поля сраженій; въ 4 раза больше, чѣмъ Бельгія. Подвиги наши войны проявили не меньше, чѣмъ любая армія, не взирая на часто крайне тяжелую окружающую атмосферу. И въ тылу еврейство несло не меньше труда и милосердія. А горя и жертвъ больше, чѣмъ у другихъ.

Кончится война. Соберутся представители земель и народовъ на общее судилище и будутъ рѣшать судьбу міра. Будутъ тамъ представители Бельгіи, Польши, Сербіи, даже Черногоріи. Кто проливалъ кровь, тотъ добылъ себѣ право на участие въ установлении новыхъ устоевъ жизни человѣчества и новой карты міра.

Но будутъ ли тамъ представители нашего народа, раздастся ли голосъ еврейскій въ этомъ хорѣ народовъ?

Какъ ни тяжело, но надо имѣть мужество смотрѣть правдѣ въ глаза. Евреямъ и пролитая кровь не даетъ тѣхъ правъ, которыя она даетъ другимъ, всѣмъ. О насъ, о нашихъ интересахъ и чести будутъ, быть можетъ, судить другіе, а то и вовсе не будутъ судить. Въ полномъ смыслѣ слова — *quantité negligeeable*. Точно нѣтъ у насъ счета, который мы болѣе, чѣмъ въправѣ предъявить; и нѣтъ у насъ «адвокатовъ», которые умѣли бы его обосновать.

Почему-жъ?

Отвѣтъ ясенъ. Никогда еще, быть можетъ, онъ не былъ данъ съ такой жестокой ясностью.

Въ этомъ совѣтѣ землевладѣльцевъ тамъ не мѣсто, ибо мы не только не ровня осѣдлымъ народамъ, сидящимъ на своей землѣ; мы даже земельнаго

денга не имѣемъ. Бездомные, безземельные, бѣжнцы, хронические, привычные. Такихъ терпятъ; иногда облакаютъ; даютъ возможность пристроиться. Но голосъ—развѣ не странно даже претензія на это?..

Но, если бы даже пожелали сдѣлать рѣдкое исключеніе, допустить безземельнаго, кто—какая организація, какіе люди явятся тѣми, которые еврействомъ и міромъ будутъ признаны представителями народа, облеченными авторитетомъ его и правомъ—говорить и требовать отъ имени его?

Я намѣренно не говорю сейчасъ о сионистской организаціи—о ней ниже. Я говорю объ остальныхъ слояхъ разсыяннаго еврейства. Они не только не объединены между собой; они даже въ каждой отдѣльной странѣ не имѣютъ общей организаціи, національнаго представительства, слѣдовательно, и почвы для общеврейскихъ интересовъ и выступлений. Разсыянное еврейство имѣетъ, правда, на Западѣ нѣсколько «большихъ» организацій, которыя какъ бы къ этому призваны. Онѣ заслужили себѣ почетное имя филантропической работой, изрѣдка и политическими шагами. Всею менѣе желать бы я отрицать ихъ заслуги. Но, присмотрѣвшись за послѣдніе годы близко ко всѣмъ имъ, я долженъ былъ съ прискорбіемъ констатировать два факта: 1) каждая изъ нихъ носитъ слишкомъ мѣстный характеръ, благодаря болѣзненному гиперпатриотизму ассимилированныхъ евреевъ, доходящему до рабства; 2) онѣ, поэтому, необъединены и необъединимы для крупныхъ общенациональныхъ задачъ, особенно въ моменты обостреній между народами, среди которыхъ онѣ созданы и къ которымъ ихъ дѣятели себя цѣлѣукомъ причисляютъ. И вотъ, коренная аномалія жизни еврейскаго народа — безземельность и отсутствіе національной организаціи—роковымъ образомъ дѣйствующія всегда, особенно сказываются въ критическіе моменты. Еврейскій народъ—

гдѣ онъ, кто его представляет?.. Отсюда наше бессилие, беспочвенность всего нашего существованія въ діаспорѣ, неустрашимыя и неисправимыя до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены порождающія причины.

Ихъ устраненіе зависитъ отъ насъ, и только отъ насъ.

Десятки лѣтъ работаемъ мы надъ развитіемъ сознанія, что нельзя намъ создать нормально-національной жизни, нельзя и частямъ нашего народа нормально жить въ гостѣ, пока не будетъ созданъ народный центръ въ Палестинѣ и національная организація внѣ ея. За эти десятки лѣтъ мы успѣли положить прочное начало и тому, и другому. Но только начало. Оно даетъ намъ теперь уже—мы можемъ это заявить—права и всѣхъ въ глазахъ другихъ. Оно налагаетъ на насъ и серьезныя обязательства. Мы это знаемъ, исполняемъ свой долгъ и используемъ свои возможности до конца, въ интересахъ народа. Но что, если бы нашу работу начали—не будемъ заходить далеко—только наши дѣды; если бы у насъ въ Палестинѣ было теперь не 100, а 500 тысячъ евреевъ, столько, сколько арабовъ; сотни цвѣтущихъ деревень и десятки крѣпкихъ городовъ; живой языкъ, расадники науки и національной культуры, связывающіе всю діаспору; соответствующія нашей силѣ въ странѣ формы внутренняго строя. А въ діаспорѣ наша организація обнимала бы не сотни тысячъ, а миллионы евреевъ. Все это было вѣдь безусловно возможно. Еврейство не стояло бы теперь столь позорно-беспомощно передъ міромъ. Было бы кому, авторитетно и съ правомъ, выступать отъ его имени за интересы и страны, и разсѣянныхъ частей народа. Направляюще судьбы народовъ иначе совсѣмъ прислушивались бы къ этому голосу. Опытъ нашей работы убѣдилъ насъ, что еврейство не безъ друзей теперь въ мірѣ. Немного ихъ; зато иногда они принадлежатъ къ сильнѣйшимъ. Но та-

кимъ импонируетъ то, что вѣрно, сильно и гордо. Раболовствующіе представители ассимиляціи были далеки отъ этого. Ихъ голосъ не былъ и не могъ быть голосомъ народа. Только та часть народа, которая высоко держитъ національное знамя и поддерживаетъ историческую нить на исторической почвѣ, можетъ служить представительницей всего народа.

Но предшествовавшія намъ два поколѣнія вѣрили въ магическую силу эмансипаціи и въ ассимиляцію, ждали рѣшенія всѣхъ вопросовъ отъ просвѣщенія и прогресса. Имъ было не до «утопій», не до «миѳической» Палестины. Но предъ нашимъ поколѣніемъ призывъ къ автоэмансипаціи уже непрерывно и громко раздавался; возрожденіе Палестины и созданіе тамъ національнаго ядра стали фактами живой реальности, видимыми всему народу. Результаты этой работы были бы на много больше и ярче, если бы могуще и вліяющіе во Израилѣ были съ нами, по крайней мѣрѣ, не клали бы каменей по трудному пути, какъ это, къ стыду и боли нашей, на каждомъ шагѣ дѣлалось...

Поймутъ ли народъ нашъ и мнящіе себя руководителями его хоть теперь, при свѣтѣ мировой катастрофы, что созданіе національнаго центра въ Палестинѣ и національной организаціи внѣ ея, есть насущнѣйшая потребность не только для осуществленія идеаловъ сionизма, но и для болѣе нормальной жизни въ діаспорѣ?

Хочется вѣрить, что да. Ибо кого не убѣдили доводы, тѣхъ должны будутъ убѣдить факты.

XX-й вѣкъ, несомнѣнно, знаменуетъ собой развитіе и укрѣпленіе національнаго момента въ жизни народовъ. Это не есть противорѣчіе общечеловѣческому, правамъ и запросамъ человѣка, а лишь пополненіе его, но крайне существенное. Національное начало создаетъ естественную группировку и атмосферу для отдѣльныхъ частей человѣчества; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно связываетъ

каждого тѣсной связью со своей нацией. Национальный индифферентизмъ, национальное вегетированіе не смогутъ болѣе имѣть мѣста. Каждой группѣ придется Farbe bekennen; въ томъ числѣ разсѣянными среди разныхъ націй евреямъ. Либо ассимиляция съ преобладающей нацией, но тогда полная; либо самостоятельная национальная группа. Либо национальная смерть, либо национальная жизнь—теперешней половинчатости или двойственности болѣе не будетъ, не должно быть по ходу развитія. И такъ какъ инстинктъ жизни у огромнаго большинства еврейскаго народа еще достаточно силенъ, то дальнѣйшій ходъ развитія еврейской мысли и чувства этимъ достаточно предопредѣленъ.

Национальное самосознаніе и потребность проявленія національнаго «я» должны нарастать и достигнуть у евреевъ такихъ же здоровыхъ размѣровъ, какъ у другихъ нормально живущихъ націй. А для того, чтобы удовлетворить и то, и другое, необходимъ родникъ национальной жизни и энергии, необходимъ национальный центръ. Безъ него немыслимо представить себѣ дальнѣйшее развитіе еврейской жизни въ XX вѣкѣ. Суррогаты, которыми тѣшили себя прежніе ассимиляторы, причислявшіе себя къ чужой национальности и оставлявшіе себѣ только «религію», съ одной стороны, и «утверждающіе» голусъ и его языкъ—съ другой, не смогутъ удовлетворить ни евреевъ, ни другихъ. Оккупировавъ Польшу и Литву, нѣмцы оставили національную школу съ национальнымъ языкомъ полякамъ и литовцамъ, но отъ евреевъ потребовали приобщенія къ нѣмецкому языку и культурѣ. Можно, пожалуй, понимать ихъ, если они говорили себѣ, что чѣмъ говорить и учиться на ломаномъ нѣмецкомъ, лучше дѣлать это на правильномъ языкѣ. И евреи Салоники черезъ почтѣ должны были стать и стали поклонниками греческой культуры, издають греческія газеты, въ которыхъ ругаютъ преж-

нюю метрополию и т. д. Эти примѣры указываютъ, что ждать еврейство въ діаспорѣ, если национальныя черты его останутся столь же безкровными, чахлыми, плохо ощутимыми самими евреями и непонятными другимъ. Влить живые соки, дать живое содержаніе жизни евреямъ въ діаспорѣ, можетъ только и исключительно национальный центръ, созданный въ Палестинѣ.

Это должны будутъ почувствовать всѣ евреи, которые пожелаютъ быть евреями и жить, какъ евреи, гдѣ бы они ни находились.

Въ мукахъ и крови нарождается новый періодъ въ жизни человѣчества. Однимъ изъ главныхъ устоевъ его будетъ—полная возможность самоопредѣленія, развитія и независимой жизни для всякой націи, въ томъ числѣ и для слабыхъ, и малыхъ. Не сразу сложится новый устой. Для этого потребуются радикальная перекройка внѣшнихъ формъ государственной жизни и глубокое измѣненіе внутренняго содержанія жизни націй. Всѣмъ имъ предстоитъ много дѣла, особенно малымъ и слабымъ, живущимъ среди большихъ; больше всѣхъ—намъ, еврейской нации. Но эта задача не выше нашихъ силъ. Надо только, чтобы мы ее поняли, сознали, чтобы мы пожелали ее разрѣшить.

Поймать ли только, пожелаетъ ли народъ?

Народъ, испытываемый огнемъ *).

Если бы знать, зачѣмъ такъ тяжко испытуетъ насъ, къ какому служению готовить! Бывало, въ оныя дни, въ странѣ отцовъ, едва надъ Израилемъ разражалась гроза,—тотчасъ изъ отверстыхъ небесъ звучалъ голосъ черезъ пророковъ, и смыслъ испытанія былъ ясенъ. Правда, въ разное время слышали разное. Когда народъ стоялъ подъ ассирійскимъ игомъ, Богъ открывалъ свой замыселъ черезъ Исаю: «Ассуръ—железъ гнѣва моего, и бичъ въ рукѣ его мое негодование. Пусть народъ нечестивый обратится ко Мнѣ, внимаетъ заповѣдямъ Моимъ, и Я спасу и возвеличу его». А двѣсти лѣтъ спустя, во дни Кира, безымянный пророкъ, котораго ученые называли Вторисаей, иначе толковалъ волю Божью: народъ, любимый мною, поставленъ въ назиданіе всѣмъ народамъ земли, его страданія—имъ урокъ, и когда нибудь, прозрѣвъ, они скажутъ: «Всѣ мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорожку,—и Господь возложилъ на Сіонъ грѣхи всѣхъ насъ; онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни, а мы думали, что онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничиженъ Богомъ; наказаніе мира нашего было на немъ, и ранами его мы исцѣлились». Но каковъ бы ни былъ смыслъ откровенія, народъ всегда зналъ небесную причину своихъ земныхъ напа-

*) Выражаемъ благодарность М. О. Гершензону за разрѣшеніе перепечатать настоящую статью.

стей, отчетливо читалъ въ письменахъ земной судьбы замыслы Бога.

Намъ несравненно труднѣе терпѣть потому, что мы лишены этой вѣры. За двѣ съ половиною тысячи лѣтъ, которыя протекли съ тѣхъ поръ, человѣчество узнало на опытѣ, что оно всегда произвольно читало тѣ письма, что ихъ видимая понятность обманчива, что смертному вовсе не дано ихъ читать,—и это, быть можетъ, важнѣйшее изъ знаній, приобретенныхъ имъ съ тѣхъ поръ. Небо закрылось и болѣе не даетъ человѣку несомнѣнныхъ знаменій; въ земныхъ судьбахъ, конечно, есть божественный смыслъ, но онъ выраженъ въ нихъ тайнописью, къ которой у насъ нѣтъ ключа. Вѣруй, если можешь, что твои страданія—не случайность слѣпой игры, а предопредѣлены Высшимъ разумомъ, но откажись отъ надежды понять ихъ нечеловѣческую разумность. Такъ нѣкогда астрологи мнили читать звѣздную грамоту ночного неба, переводя ея таинственные письма на человѣчскій языкъ, а опытъ опровергъ ихъ заблужденія. Мы не знаемъ подлинныхъ причинъ нашего жребія, какъ намъ неизвѣстенъ и цѣлостный итогъ его послѣдствій.

Судьба еврейскаго народа такъ необыкновенно выразительна, столь явно чувствуется въ ней какой-то планомѣрный всемирно-историческій замыселъ, что трудно устоять противъ соблазна истолковать ее по-человѣчески. Всякое такое толкованіе есть мифъ. Въ мифахъ о богоизбранности, о карающей десницѣ Божьей, или, какъ у Вторисаи, объ обреченности за грѣхи мира, черпали силу наши предки. У насъ мифа нѣтъ, точно мифомъ произрастаютъ народу только изъ его родной земли, а чуждая почва остается безплодной, сколько бы ни орошали ее народныя слезы. Новаго мифа не родилось—за два тысячелѣтія, среди такихъ страданій! А старые приплыли въ забвеніе.

Мир играет в народной жизни ту самую роль, как рабочая гипотеза в науке; он и есть мирообъемлющая гипотеза, выраженная в образе. И как наука развивается, переходя от высшей гипотезы к высшей, так в смене миров совершается рост народной души. Без мира, живого в индивидуальных сознаниях, народ не может сохраняться как целое, — он распался бы, подобно бочке, с которой сняты обручи; но возможно долгие, хотя бы тысячелетнее прозябанье народа, безразлично изживающего устаревший мир, бессильно замещать его новым, как это не раз наблюдалось в истории Востока.

Не может быть сомнения в том, что каким-то миром живет и еврейский народ, иначе совсем нельзя было бы понять его устойчивой целости на протяжении столетий в экзотических условиях, где отпасть от народа значило бесконечно увеличить свое личное благополучие. Парализовать действие таких могучих центробежных сил способна только крепкая спайка народного мира. Значит, мир есть и живет, — по его внешнему действию мы с уверенностью должны предполагать его наличность. Каков же он? Психология еврейской массы слишком мало изучена, чтобы можно было решительно ответить на этот вопрос. Я лично думаю, что этот мир изгнания родился из ветхозаветного мира, что идея богоизбранности, заключавшая в себя, как ядро, образ неразложимой целости еврейского народа, постепенно выветрилась и обнаружила ядро, но самое это ядро, этот образ почти биологического единства племени, с веками не только не разлагался, но напротив — отвердело в еврейской психике до алмазной крепости, окрепло воплотившись в виду полной однородности чрезвычайно тяжелых условий, в которых внешний мир по-прежнему и столько веков держал всех членов

еврейского народа. Этот образ, как всякий народно-мифологический образ, внушает суеверное почтение, почти ужас, — да в нем и заключена, как во всяком подобном образе, глубокая мистическая правда; власть этого образа так велика, что возстать против него, признать его мнимым даже смелый не может без содрогания; вот почему сравнительно так мало евреев при существующем соблазне отпадают от еврейства: отпасть от еврейства и значит признать нереальным, объявить призрак образ неразложимого еврейства.

Народ, испытываемый огнем, не сторахнет потому, что в нем жива алмазная спайка. Но укрепить — мало, надо расти. Консервативный мир способен на тысячелетия обеспечить существование народа, как это можно видеть на примере Китая; но этого ли мы желаем нашему народу? Прозабавия ли еще на века? Мы хотели бы для него плодотворного исторического существования, чтобы он, как целый, как народ, не только пребывал в смене поколений, но восходил поколениями к высшей цели, как он восходил некогда через откровения пророков. И это будет тогда, когда снова зацветет миротворчество народа. Родится ли новый мир в стране изгнания, в той части, когда гнет, угнетающий нас, станет окончательно невыносимым? Есть ли в последней скорби, и безутешное рыдание всегда живуче; есть острая жизненность на дне скорбей. Вот в Ближнем уже зашла, впервые после Иегуды Галеви, душа еврейского народа, — плесень, плесень, плесень ангельско-земная! Не предвещает ли она возрождение еврейской души? Или правда то, что только почва Палестины может родить еврейству новый творческий мир? — Не знаю; но твердо верю, что живой народ в латентном состоянии и в урочный час проснется.

Внѣ исторіи

*„Видный музык мой пере-
носитъ трубы и голода въ
иудейскихъ корчмахъ“.*

Л. Толстой — „Война и Миръ“.

Эти три строки — единственное, что я нашелъ въ «Войнѣ и мирѣ», когда я попытался найти тамъ еврей. Была великая пора, «взволнованное историческое море народовъ Европы вышло изъ своихъ береговъ». Небывалыя толпы вооруженныхъ людей страшнымъ потокомъ неслись изъ стороны въ сторону. Погибали и создавались и снова погибали и снова создавались государства, разорялись города и области. Народы жили съ изумительной интенсивностью, въ какомъ-то невѣроятномъ напряженіи нервовъ и страстей... И въ великой исторической эпопее того замѣчательнаго времени, въ величавой картинѣ тѣхъ бурныхъ дней вся роль еврейскаго племени зарисована этими тремя строками, зарисована случайно, вѣроятно, незамѣтно для самого художника — но — увѣ, — мѣтко и исчерпывающе. Ваволнованное море народовъ Европы вышло изъ своихъ береговъ, но тѣ историческія волны прошли мимо евреевъ, и только случайный офицеръ штаба замѣтилъ насъ среди другихъ... житейскихъ невзгодъ лагерной жизни.

Такъ грустно и обидно творилась наша исторія сто лѣтъ тому назадъ. Теперь, какъ и тогда, «взволнованное историческое море» народовъ Европы, вышло изъ своихъ береговъ», и въ кроваво-страшной близости надви-

нулись небывалые историческіе ураганы и штормы... Налетѣли событія и людскія движенія такого размаха и порыва, предъ которыми картины двѣнадцатаго года меркнутъ и блѣднѣютъ, какъ пламя жалкой свѣчи въ огнѣ полуденнаго солнца. Эти страшныя картины увидѣть, почувствовать вѣст. Должны увидѣть, должны почувствовать, ибо за эти сто лѣтъ гений человѣческаго творчества связалъ всѣхъ насъ воедино, связалъ тысячами неувидимыхъ нитей и сѣтью желѣзныхъ цѣпей. Предъ нами пройдутъ небывалыя сдвиги, и въ катастрофическомъ хаосѣ народныя массы подвергнутся рѣзкимъ деформациямъ...

Всѣ народы Европы уже захвачены этимъ сдвигомъ. Всѣ выступили на арену и въ напряженномъ волнении бросаютъ на историческіе вѣсы свои массы. Бросаютъ взволнованно и съ яркой сосредоточенностью, ибо сложность современной культуры и прогрессъ послѣдняго столѣтія свершили одно великое чудо. Въ этой войнѣ гигантовъ не только гиганты играютъ историческую роль. Тезисъ породилъ антитезу. Лихорадочный ростъ милитаризма, безудержное стремленіе двухъ союзовъ обогнать другъ друга въ колоссальномъ и могучемъ вооруженіи, создалъ такое положеніе, что маленькіе незамѣтные народы, съ игрушечными арміями, а то и вовсе безъ армій, выступили какъ Machtfactoren. Колоссальный районъ военныхъ дѣйствій, важное значеніе маневра и передвижений создали такую ситуацию, что въ этотъ или иной моментъ маленькое государство играетъ историческую роль, которая воистину не снилась нашимъ мудрецамъ.

На первой страницѣ современной исторіи записана Сербія, которая полвѣка тому назадъ не существовала. Болгарія четыре десятилѣтія тому назадъ освобожденная и воскресшая въ жизни, обнажаетъ свой мечъ и какъ равный среди равныхъ вмѣшивается въ борьбу тита-

новъ. Крохотная Бельгія создаетъ историческій переворотъ, который вовлекаетъ въ борьбу двѣ державы и направляетъ весь характеръ дѣльшихъ событий. Отъ внимательства Швеции зависятъ судьбы войны. Величайшія усилія державъ направлялись на привлеченіе Румыніи на сторону той или иной коалиціи. Не говоря уже о Черногоріи, на долгое время приковывавшей къ себѣ вниманіе всего міра, даже народы, не имѣющие политическаго сегодня, какъ поляки, албанцы, арабы, выдвинулись на арену, и вся европейская печать слѣдитъ за ними и считается съ ихъ стремленіями...

Самое интересное въ этомъ неожиданномъ выступленіи маленькихъ творцовъ современной исторіи, это то, что они выдвинулись какъ алгебраическое цѣлое, независимо отъ арифметическаго подсчета ихъ матеріальныхъ или моральныхъ силъ. Пусть завтра обнаружится, что въ послѣднюю перепись Швеции вкралась ошибка, увеличившая цифру населенія хоть въ десять разъ. Отъ этого роль Швеции и ея значеніе въ мировой ситуациіи не измѣнятся. И несомнѣнно, что шестимиллионная Бельгія теперь сказала столь же серьезное историческое слово, какъ и сорокамиллионная Италия, а роль поляковъ во всякомъ случаѣ замѣтнѣе роли испанцевъ...

* * *

Такъ чудесно разыгрались историческія волны, вынесшія на арену всѣ народы Европы, которые съ быстротой молнии заняли предназначенныя имъ исторію позиціи...

И только мы—евреи—какъ всегда, оказались за бортомъ войны; не за бортомъ войны, но за бортомъ исторіи. Мы сражаемся. Мы идемъ на жертвы и при этомъ мы — реальная сила. На войнѣ сражается евреевъ больше, чѣмъ сербовъ и бельгійцевъ. Вся Данія имѣетъ солдатъ въ четыре раза меньше, чѣмъ ихъ выставили русскіе евреи.

Но все таки—такова сила неумовимыхъ законовъ пропала никто не попытается поставить евреевъ на такую историческую позицію, на которой стоятъ сербы или поляки. У евреевъ, какъ у національнаго цѣлага, нѣтъ исторической позиціи. Тѣ народы—можетъ быть слабѣе насъ, но они здѣсь на мѣстѣ имѣютъ опредѣленныя задачи, они сами творятъ свою исторію и потому могутъ сказать свое историческое слово. Мы не говоримъ теперь этого слова, ибо у насъ только сила отдѣльныхъ евреевъ, сотенъ тысячъ евреевъ, у насъ только арифметика...

Евреи, конечно, волнуются, лихорадочно слѣдятъ за разгоравшимися событиями. Интересы отдѣльныхъ евреевъ, вопросы ихъ жизни и смерти колеблются и дрожатъ; тотъ или иной исходъ сраженій рѣшаетъ ихъ судьбы. Но все это опредѣленный комплексъ ощущеній—и серьезный, конечно, но въ немъ есть одна любопытная черта: это ощущеніе сражающагося или причастнаго къ войнѣ, которое переживаетъ и французъ, и полякъ. Но у поляка, французъ къ этимъ ощущеніямъ прибавляется еще одинъ плюсъ, еще нѣчто, которое твердо и ясно говорить ему, что онъ творитъ каждую данную минуту исторію роднаго народа. У еврея нѣтъ этого нѣчто. Поэтому евреи сегодня въ большинствѣ своемъ отличаются отъ всѣхъ народовъ однимъ изумительнымъ обстоятельствомъ: у нихъ нѣтъ никакихъ аппетитовъ, они не выставляютъ и не предъявляютъ никакихъ національныхъ требованій. Можетъ быть, отдѣльные евреи, евреи, какъ граждане, надѣются, вѣрятъ во многое, но все это гражданскія исканія; о національныхъ чаяніяхъ, о какихъ-нибудь рѣшеніяхъ проблемы народа говорятъ только немногочисленные группы его.

Какъ это случилось, что въ такую минуту, когда всѣ народы заговорили языкомъ національныхъ чаяній, мы не говоримъ—главное—не знаемъ, какъ заговорить на

этомъ языкѣ. Это изумительно, это возможно только у насъ.

Одѣльные члены націи борются, страдают, горятъ въ огнѣ небывалыхъ жертвъ и напряженій, а народъ, какъ таковой,—безмолвствуетъ. Народъ безмолвствуетъ, словно онъ внѣ истории. И теперь, когда Европа внимаетъ всѣмъ, его словомъ никто не интересуется. И никого за это винить нельзя.

Какъ это ни грустно, но виноваты въ этомъ только мы, наша печальная исторія безземельнаго народа. На историческую арену выступили самые крохотные народы, можетъ быть, пигмеи по сравнению съ нами, но у нихъ есть одно незамѣнимое богатство: они золотыми нитями привязаны къ своей землѣ, и они поэтому—только поэтому—сами творятъ свою исторію. Пока мы не соткали этихъ золотыхъ нитей, не имѣемъ родной почвы подъ ногами, нашу исторію будутъ творить другіе. Народъ, чью исторію творятъ другіе, въ эти дни остается внѣ общаго потока...

Какъ это ни грустно, но будущій историкъ этихъ дней быть можетъ насъ и не замѣтитъ. Намъ отмѣтить лишь штабъ дѣйствующей арміи.

Въ эти дни.

Въ одной изъ своихъ поэмъ С. Черниховскій рассказываетъ эпизодъ изъ недавняго прошлаго. Два брата еврей, сражающиеся одинъ въ турецкой, а другой въ греческой арміи, встрѣчаются на полѣ сраженія. Въ горячей схваткѣ убиваютъ они другъ друга и только въ предсмертныя минуты брать узнаетъ брата.

Эта трагедія, которая въ рассказѣ поэта казалась намъ далекой и необычной, въ переживаемые нами дни стала близкой и обыденной, и происходить она на всемъ необъятномъ мировомъ полѣ сраженія.

Все чаще и обычнѣе рассказы объ евреяхъ, которые отъ убитаго ими въ сраженіи врага слышали предсмертный крикъ «Шма Исроель».

Позвидимому это уже не легенда, переносимая съ мѣста на мѣсто, но фактъ, происходившій въ различныхъ мѣстахъ.

Въ мѣстахъ, занятыхъ непріятелемъ, въ Іомъ-кинуръ въ синагогу приходили молиться германскіе солдаты-евреи. Цѣлый день стояли они, эти люди, чьей-то жестокой и слѣпой волей брошенные въ чужую страну, блѣдные и истощенные отъ долгихъ лишеній и мукъ, черные отъ пороховою копоти,—стояли они, и молились, и плакали. Русскіе евреи не подходили къ нимъ и не заговаривали съ ними. Закутанные въ талисы и бѣлые саваны, молились и плакали въ свою очередь и они, эти несчастныя жертвы войны, попавшія въ полосу ничего не щащающаго, все ошпаривающаго мирового пожара. Чуждые другъ-другу, стояли они, и на томъ же

древнемъ и таинственномъ языкѣ Библии читали одну и ту же молитву о потерянной отчизнѣ, о разсѣянномъ народѣ и о томъ времени, когда страхомъ Божиимъ преисполнятся всѣ творенія и объединятся всѣ созданія въ единый союзъ, чтобы отъ всего сердца исполнять волю Всевышняго.

Въ одномъ городѣ Литвы плѣнный австрийскій офицеръ крикнулъ толпѣ евреевъ, мимо которыхъ вели плѣнныхъ: «Iwri onojchi». Поблѣднѣли лица, судорожно сжались сердца, но никто не откликнулся. Отвернулись отъ чужого, отъ врага.

Занялъ еврейскій домъ нѣмецкій постой. Вошелъ нѣмецкій солдатъ, увидѣвъ на стѣнѣ портретъ Теодора Герцля и заплакалъ.

Это только нѣкоторые изъ цѣлаго ряда легендъ и рассказовъ, словно символизирующихъ трагедию разсѣяннаго народа, безъ цѣли и смысла мечущагося по миру.

Невообразимое поле сраженія раскинулось тамъ, гдѣ живетъ почти весь еврейскій народъ. По его бѣднымъ и шаткимъ очагамъ, по его жалкому благосостоянью, накопленному прѣкимъ трудомъ, созданному слезами и кровью многихъ поколѣній, прошла растаптывающая, какъ нога прохожаго муравейника, тяжелая, безпощадная и невидящая пята войны.

Но не только жертвами, кровью и разоренными очагами оправдываются страданія еврейства.

Въ началѣ войны мы легко и безъ жалобы перенесли страданія, вызванные войной. Бѣдствія эти, какъ бы тяжелы они ни были—общія, уравнивающая и объединяющая всѣхъ. Пришло и то страшное, чего мы боялись, пришло и изгнание изъ пасиженныхъ мѣстъ, опутала и закрыла отъ насъ солнечный свѣтъ густая и липкая паутина ненависти, презрѣнія и клеветы. Къ разрушеннымъ очагамъ прибавились тысячи и десятки

тысячъ душъ, опустошенныхъ на вѣки, омраченныхъ несмыслимой, пригибающей къ землѣ обидой.

Докатилась война и до далекихъ, освященныхъ исторіей мѣстъ, съ которыми связана жизнь еврейскаго народа. Двигутся войска у подношья Синая, гдѣ изъ невѣдомой людямъ могилы поднимается тѣнь Моисея. Слышится гулъ сраженія у полосы Чермнаго моря, черезъ которое проходили евреи, уходя изъ страны рабства.

Какъ тысячелѣтія тому назадъ, изъ черныхъ шатровъ козьей шерсти — шатровъ Кедала — скликаются воины. На верблюдахъ мчатся вооруженные дervishи, и рядомъ съ ними черезъ пески пустыни тянутся пулеметы и крупновскія пушки.

Въ сверкающемъ раскаленномъ воздухѣ надъ вѣчной пустыней рѣжутъ огромныя стальные смертоносныя птицы и хищными всевидящими очами обозрѣваютъ они безбрежную даль пустыни, по которой Моисей сорокъ лѣтъ велъ свой народъ къ свободѣ и странѣ обѣтованной. Страаннымъ, зловѣщимъ гудѣньемъ будятъ онѣ пески, гдѣ донынѣ спятъ Мертвецы пустыни.

«Древній могущій народъ, носители Божьей святыни, Но непокорно горды, какъ хребты аравійскихъ ущелій, Шли на вождя своего и съ Богомъ бороться хотѣли.

И заточилъ ихъ Господь, и обрекъ ихъ на сонъ безъ исхода,

Грозный великій урокъ и память для рода и рода...

Есть на землѣ ихъ потомки: зовутъ ихъ народомъ Писанья»...

Грозятъ война и огонь и странѣ Библии, странѣ неутешимаго тысячелѣтняго томленія народа, странѣ его скорби и его надежды, движутся войска по долинамъ и горамъ Іудеи, съ которыхъ тысячелѣтія тому назадъ пророки провозвѣстили время, когда

«...Надъ воскресшею землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,

Угаснеть пылъ вражды на вѣкъ,
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ».

И повсюду, во всемъ мѣрѣ, во всѣхъ многомиллионныхъ арміяхъ всѣхъ народовъ и племенъ, сражаются евреи, и въ каждой арміи выказываютъ они чудеса храбрости, геройски защищая знамя, подъ которымъ они стоятъ, и во всѣхъ бояхъ встрѣчаются и убиваютъ братья брата и умираютъ они, нося въ душѣ и на устахъ крикъ «Шма-Исроель».

Переживаютъ теперь и другіе народы тяжелыя испытанія; у иныхъ борются братья противъ брата—хотя и не въ такихъ размѣрахъ и не на такомъ протяженіи, какъ евреи—но тамъ есть для страданія и жертвъ смыслъ и оправданіе. Тамъ есть надежда, что за этой братской борьбой послѣдуетъ національное объединеніе оторванныхъ другъ отъ друга, сражающихся братьевъ, тамъ есть вѣра, что изъ этихъ страдавшихъ родится народное будущее, есть сознаніе, что въ заревѣ мирового пожара, въ аду ненависти и крови восходитъ заря новой жизни для ихъ многострадавшихъ народовъ, что на поляхъ, обильно политыхъ братской кровью, поднимаются ростки новаго свѣтлаго будущаго, что пыльнымъ цвѣтомъ взойдутъ на нихъ, чрезъ ряды поколѣній, безустанно и бережно лелѣямыя историческія надежды, что тамъ «убиваютъ и приносятъ себя въ жертву, чтобы изъ жизни выковать что-то новое».

У насъ нѣтъ этого утѣшенія.

Гдѣ видѣть и гдѣ искать намъ народъ то небо, въ которомъ за клубами дыма, за багровымъ пламенемъ пожара забрезжили хоть первыи, робкіи лучи нашей народной зари, нашего народнаго будущаго?

Гдѣ оправданіе для нашихъ жертвъ и мучъ, самыхъ тайныхъ и открытыхъ?

Наши жертвы и наша смерть безъ цѣли и безъ смысла, «какъ наша жизнь, безъ смысла прожита».

Какъ нарастающій рокотъ приближающагося моря крыльевъ въ раннюю весеннюю пору, что-то движется и бродитъ въ челоуѣчествѣ.

Пробуждается и растетъ сильный и яркій подъемъ национальныхъ стремленій народовъ, давно казавшихся мертвыми и исчезнувшими со страницъ исторіи.

Слышится голосъ племени, донынѣ безмолвныхъ и забытыхъ. Въ кругозоръ исторіи попадаютъ и неудержимо рвутся попасть не только такіе народы, какъ поляки, армяне, арабы и др., но и болѣе мелкія народности, какъ литовцы, латыши, албанцы, бѣлоруссы и т. д. Выплываютъ изъ поверхность исторіи крошечныя государства, о существованіи которыхъ рѣдко кто знаетъ, и каждое изъ нихъ, можетъ быть, единственный давъ въ своей исторической жизни, и на мгновенье, чувствуется и замѣтно въ мировомъ вихрѣ.

У всѣхъ народовъ и племенъ есть сознаніе, что теперь или никогда пробилъ часъ для борьбы за национальное возрожденіе, за свободу, за свой клочекъ земли, за свой уголокъ подъ солнцемъ.

И въ этотъ единственный часъ пробужденія народовъ и племенъ, когда близки къ осуществленію самыя несбыточныя, самыя несбыточныя мечты и стремленія, когда и у самыхъ блѣдныхъ и нерѣшительныхъ кружится голова отъ дерзновенныхъ надеждъ и отъ неудержимаго полета въ высь въ этотъ моментъ одинъ только народъ въ мѣрѣ—народъ еврейскій—ничего не ждетъ и ничего не требуетъ для себя, для своего народнаго будущаго. Одинъ онъ, тревожимый и волнующий болѣе всѣхъ, остается безъ стремленій и порывовъ, и если есть у него надежды, то онѣ тусклыя, безкрылыя, стелющіяся по землѣ, неподнимающіяся надъ узкими, повседневными интересами. И для этихъ близкихъ

надежды онъ готовъ забыть и отречься отъ несмытой скитаньемъ и неугасшей во всѣхъ грозахъ чужбины царственной мечты народа.

Казалось-бы, нашъ древнѣйшій народъ, умудренный безпримѣрнымъ историческимъ опытомъ, просвѣтленный величайшей, единственной въ мірѣ трагедіей двухъ-тысячелѣтняго мученичества, болѣе всѣхъ всколыхнутый разразившейся въ мірѣ грозой,—первый услышитъ властный зовъ истории, будящій мертвецовъ.

Прогремѣлъ для него Божій голосъ съ высотъ.

Но не понялъ народъ, не услышалъ народъ.

Несмотря на всѣ перенесенныя испытанія и разочарованія, нашъ народъ, какъ народъ-младенецъ, только что вошедшій въ историю, продолжаетъ жить изо дня въ день легковѣрный все забывающій и успокаивающійся отъ каждаго доброжелательнаго слова, брошеннаго ему, какъ подачка, отъ чужой улыбки и чужой милости. При каждой вспышкѣ огня на чужихъ очагахъ, вновь начинаетъ вѣрить нашъ народъ, что у этихъ чужихъ очаговъ найдетъ онъ отнынѣ для себя тепло и уютъ...

На нашихъ глазахъ какъ-бы сбывается ужасное проклятіе современнаго поэта-пророка:

И близокъ день...
Зажгу я солнце правды и свободы
И міръ его сияньемъ я залюю,
И къ новымъ небесамъ узрять народы
Нежданнѣйшій путь и новую зарю.
Но вы одни останетесь рабами;
Чужбины и позора гнетъ влады,
Вы тщетно будете молить вѣками
Хоть искру свѣта, проблеска луча.
Для васъ навѣкъ замкнутся жизни дали,
Чужие и ненужные для всѣхъ,
Лишь вы одни повсюду опоздали

И всюду встрѣтитъ васъ злорадный смѣхъ.
Я расточу моря безбрежной силы,
И радость дамъ народамъ каждый мигъ,—
Лишь вы одни безсильны и безкрылы,
Навѣкъ изсякъ и высохъ вашъ родникъ.
Толпой слѣпой, недушною, вѣками
Бродя, скитаясь изъ страны въ страну,
Склонитесь надъ чужими родниками,
Чтобъ жадными изсохшими устами
Хоть каплю влаги вымолить одну.
Но будутъ вамъ всѣ родники закрыты,
Какъ глыбы мертвыя безводныхъ скалъ;
Какъ нищій, на чужомъ пиру забытый,
Лишь мой народъ повсюду опоздалъ...

Въ „наготѣ міровой“.

«Брошены вы средь пустыни, на камняхъ ея рас-
каленныхъ;

Вкругъ—нагота міровая въ безмолвномъ проклятіи
Бога»—

такъ обобщилъ мироощущение еврейства лучший поэтъ нашего поколѣнія, чуткимъ ухомъ принявшій къ самому пульсу народной души и учувшій въ ней всю невыразимую скорбь одиночества и сиротливости. Весь міръ намъ знакомъ, мы ступали и ступаемъ по всѣмъ меридіанамъ нашей планеты, нѣтъ неба, по которому не скользили бы наши глаза, но все-жъ мы опускаемъ вкругъ себя жуткую наготу, наша поступь конвульсирующе-неувѣренна и взоръ блуждаетъ, словно мы висимъ въ воздушномъ голомъ просторѣ, а подъ нами зияетъ пропасть. «Нагота міровая»—иногдѣ мировоспріятія не можетъ быть у народа, не обладающаго своей, хотя бы и малой, частицей міра, не вросшаго душевными корнями въ нѣдра этой частицы, не приучившаго себя видѣть вселенную въ кускѣ родного, отечественнаго небосвода. Міръ нагъ и прозрачно-безцвѣтенъ для тѣхъ, у кого нѣтъ на землѣ угла, который они вѣками облачали въ ткани своихъ презрѣ и устремленій; сирый и бездомный задыхается въ безпредѣльной ширѣ обнаженнаго пространства.

И никогда мы такъ остро не ощущали этой вѣками тяготящей надъ нами кары небесъ, какъ въ эти дни напряженнѣйшей жизни и борьбы народовъ. Ужасъ «наготы міровой» никогда еще не былъ такъ ясенъ для

насъ, какъ въ это время, когда вкругъ люди твердо упирались въ почву родной земли, одновременно и защищая ее и защищаясь ею, сливаясь съ нею въ нѣчто единое и словно искони неразрывное. Міръ всколыхнулся, и тѣ тысячи еле замѣтныхъ въ историческія будни нитей, которыя связываютъ земли и народы, выступили наружу во всей своей значительности и исключительной силѣ. То сокровенное, что проявляется въ повседневной жизни народовъ малейшими, почти незамѣтными искорками, выявилось въ эти дни въ рельефомъ, сконцентрированномъ видѣ, — мы увидѣли жертвенники и пламенѣющія сердца воодушевленныхъ людей и почувствовали всю жуть нашей нищеты и глядящей въ наши глаза мировой наготы. Мы вяло и безвольно плелись за другими, и въ тѣ минуты, когда вкругъ жертвенниковъ носились стройные и одухотворенные голоса молитвы, мы механически повторяли слова чужихъ молитвъ и блуждали апатичнымъ взоромъ по безразличному «shalal-hadlam». И отъ этой апатии, которая дымила даже надъ нашей кровью, разлитой по всѣмъ полямъ великой брани, намъ стало страшно такъ, какъ можетъ и должно стать страшно при обнаженіи собственного уродства...

Многіе изъ насъ были такъ нечутки къ себѣ, что совершенно не сознавали своего уродства; другіе же пытались даже возвести его въ заслугу и тѣшили себя тѣмъ, что и у другихъ имѣются уже отдѣльные люди, которые освободились отъ излишняго, отъ вреднаго остатка бывшихъ временъ, отъ ненужнаго органа любви къ родной землѣ. И вотъ пришли эти безпримѣрные дни и показали намъ, что и въ душахъ этихъ «избранныхъ» людей явственно зазвучало то, что наполняло собою коллективныя души народовъ и массъ. Мы увидѣли типичнаго человѣка, научившаго насъ внимать голосу нѣмыхъ тайнъ и понимать интимный языкъ молчанія,

который оставил свои «сокровенные сады» и «сокро-
вища смиренных», чтоб возвысить свой голос против
тѣхъ, кто поднялъ руку на его родину. Мы увидѣли тон-
чайшаго и престарѣлаго скептика съ Сенскихъ береговъ,
на чьихъ устахъ всю жизнь дрожалъ мотивъ Экклезиаста,
для котораго нѣтъ и не можетъ быть никакого абсолюта
ни въ жизни, ни въ мысли, ни въ чувствѣ—и онъ на
склонѣ дней своихъ почувствовалъ единую достовѣрность,
абсолютъ—родину, зажегшую въ его почти уже потух-
шихъ глазахъ искорку далекой юности и вселившую въ
его сотканную изъ сомнѣній душу непреодолимое жела-
ніе взять мечъ въ усталыя, дрожащія руки. Люди «не
отъ міра сего», которые провели всю жизнь вдали отъ
обиходной суеты, направляя свой пылливый умъ за гра-
ни временнаго, пространственнаго и узко-человѣческаго,
люди, признававшіе какъ-будто лишь одно космическое,
вдругъ почувствовали въ себѣ приливъ сыновней пре-
данности къ вскормившей ихъ землѣ, и въ ихъ глазахъ
засвѣтились совершенно новыя искорки, о которыхъ,
можетъ быть, и они сами никогда не подозревали. Какъ-
будто стерлись границы между яркими и сѣрыми, меж-
ду избранниками и толпой, межъ богатыми и бѣдными,
межъ тѣми, что годами другъ съ другомъ враждовали—
въ тотъ часъ, когда призывала ихъ земля. Власть земли
и чары родины сказались и на тѣхъ, кто затаивъ въ
душѣ досаду, злобу и обиду, скитались по чужимъ
краямъ и выкорчевывали изъ себя все то, что связы-
вало ихъ съ изгнавшимъ ихъ отечествомъ. Всѣ почув-
ствовали, что въ связи народа съ его землей есть что-
то таинственное и вѣчное—повсюду совершался обрядъ
радостнаго самозакланія, и даже тѣ изъ насъ, что воз-
вели «наготу мировую» въ культъ и идеалъ, должны
были почувствовать себя душевно-убогими, жалкими,
нищими. У всѣхъ—пробудилась сыновняя любовь, мы—
пошли исполнять суровый долгъ. У другихъ ожила въ

трудѣ надежда на осуществленіе самаго заветнаго, у
насъ началось вялое ожиданіе ничтожныхъ, жалкихъ
крохъ. Другіе полагались на свои силы, на свою отва-
гу и самоотверженность, мы—стали вызывать къ спра-
ведливости, уповая на состраданіе и милосердіе міра.
Другіе указывали міру на свой обнаженный мечъ, мы—
стали демонстрировать передъ нимъ свои раны и иска-
лѣченные члены. У другихъ появились союзники, съ
одной, и враги съ другой стороны, у насъ—не оказа-
лось ни тѣхъ, ни другихъ: мы никому не въ состояніи
ни помочь, ни повредить, и потому одни отнеслись къ
намъ съ презрѣніемъ, другіе—съ почти равносильной
ему унижающей жалостью...

И мы почувствовали, что сколько бы насъ ни было
на землѣ—мы все же не болѣе, чѣмъ пылъ земная;
что какъ бы ни были богаты отдѣльные изъ насъ—мы
все-жъ соборный нищій; что сколько бы изъ насъ судьба
ни одарила-бъ красотою, насъ все-жъ клеймитъ уродство...

* * *

Дни борьбы пройдутъ, смѣнятся днями отдыха и
мира, и успокоится земля. Доля изгнанниковъ станетъ
тогда еще горше прежняго, чувство нашей нищеты
станетъ еще, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ въ нынѣшніе
дни. Ибо тотъ, кто получитъ свою долю и осуществитъ
заветныя мечты, познаетъ годы радости и удовлетво-
ренія, огонь борьбы въ глазахъ смѣнится спокойнымъ
взоромъ обладателя, и въ мышцахъ возродится здоро-
вый ритмъ строительства и творчества. И даже побѣд-
денные, и даже тѣ, кто, будучи опраблены сильной ру-
кою противника, обрѣтутъ утѣшеніе въ исполненномъ
долгѣ, въ томъ горѣнии, что очистило ихъ души и за-
калывало для новой, грядущей борьбы. Безплодно пропа-
даютъ лишь изнуряющія первыя конвульсии, барах-

танье слѣпыхъ и жалкое мычанье вѣмыхъ, — всякая крупица здоровой энергии паходить свой учетъ въ народной жизни, чѣмъ бы въ томъ или иномъ случаѣ ни кончилось проявленіе этой энергии. И когда выйдетъ страдалецъ-сынъ отчужденнаго племени въ родное поле, онъ вдохнетъ въ себя ароматъ родной земли и почувствуетъ въ себѣ наростаніе новыхъ силъ для, можетъ быть, далекаго, но неизбежнаго часа освобожденія; чье бы знамя ни развивалось надъ этимъ полемъ, оно не перестанетъ оплодотворять его новыми силами и увлажнять его душу новыми соками; чей спрѣжъ ни стоялъ бы у вратъ его погоста, мотилы родныхъ героев не перестанутъ вселять въ него чувства внутренняго величія и вѣры въ грядущее; сколько слезъ обиды ни исторгалъ бы изъ глазъ насильникъ, засѣвший на его землѣ, эти слезы всегда будутъ блистать вѣчно, какъ земля, надеждой и вѣрой въ лучшие дни. Но что останется намъ въ часъ подведенія итоговъ, и что мы будемъ испытывать, когда подсчитаемъ число тѣхъ, кто удобрилъ своею кровью всѣ нивы состязавшихся народовъ? Какую долю мы получимъ и въ чемъ мы обрѣтемъ новое утѣшеніе и новую вѣру? Не вспомнимъ ли тогда съ особенно щемящей болью страшныхъ словъ поэта скорби:

«Сыны мои, сыны! Чьи скажутъ вамъ уста,
За что, за что, за что надъ вами смерть нависла,
Зачѣмъ, во имя чье вы пали? Смерть безъ смысла,
Какъ жизнь — какъ ваша жизнь безъ смысла про-
жита!»

* * *

Во всемъ пережитомъ и переживаемомъ есть много такого, что въ другие дни и на другомъ фонѣ могло бы вызвать среди насъ широкую волну мистически-лихо-

радного трепета, религіознаго экстаза и ожиданія чудесъ избавленія. Мы тогда пережили бы, можетъ быть, новую полосу таинственныхъ увлеченій и слѣдующихъ за ними отрезвляющихъ разочарованій, которыя, какъ и въ былые дни, ввергли бы нѣкоторыхъ изъ насъ въ историческую пропасть и внесли бы одновременно въ общенародную душу элементы новаго оплодотворенія и освѣщенное начало религіознаго чувства. Но мы живемъ въ иное время, когда магическій пошопъ таинственнаго не находитъ резонанса и когда помнить только о непосредственной, творческой дѣятельности. Мы поэтому не видимъ теперь, какъ въ оныя дни еврейской скорби, образа блуждающаго еврея, который ходитъ по городамъ и весямъ и спрашиваетъ всѣхъ проходящихъ: «не видали ли, не встрѣчали ли Мессии»? Но все же каждому изъ насъ въ отдѣльности сообщается боль и обида, которая испытывается теперь еврействомъ, какъ цѣлымъ, какъ исторической категоріей, и въ нашихъ нынѣшнихъ переживаніяхъ, если глубже всмотрѣться, есть многое отъ мессіанскихъ мукъ. Въ насъ назрѣваетъ и должно все болѣе обостряться ощущеніе невозможности переносить дальше давно уже нависающую надъ нами мировую наготу, и мы не забудемъ, не сможемъ забыть, что тогда, когда у всѣхъ дымились алтари, мы звѣвющей поступью ходили съ сумою по большимъ дорогамъ міра, что когда другие скрежетали зубами отъ боли, желаній и бѣшенства борьбы за цѣлость и просторъ родного очага, мы знали лишь голую, вынужденную схему чужой борьбы, въ которую мы были вовлечены шкваломъ мировыхъ событий. И чѣмъ чаще и ярче мы это будемъ вспоминать, чѣмъ острѣе будетъ въ насъ боль пережитого, тѣмъ сильнѣе въ насъ будетъ жажда исцѣленія, воля къ дѣйствию и опочивленію. Будемъ же беречь наши страданія, какъ зѣнницу очага, не дадимъ заснуть въ себѣ нашей боли, не дадимъ покрыть-

ся нашимъ мукамъ толстою корою безразличной повседневности. Будемъ помнить, что эти муки святы, что въ нихъ таится и куется наша воля въ новой жизни, что въ остромъ ощущении недуга—залогъ оздоровления. Ничего безъ боли не приходитъ къ мѣрѣ, и даже земля стонетъ, когда на ея поверхность вырываются первые побѣги—можемъ ли мы не дорожить нашими муками, не лелѣять ихъ въ себѣ, какъ нѣчто драгоценное, обѣщающее и зовущее къ новой жизни и новому творчеству?
